

# А. КУРОСАВА И ЕГО ФИЛЬМ

Зверолов Дерсу Узала, по национальности гольд, промышлявший охотой на пушного зверя, в качестве проводника водивший поисковые партии по уссурийской тайге, был убит при невыясненных обстоятельствах зимой 1907 года. Личность убитого подтвердил капитан русской армии, путешественник и писатель Владимир Арсеньев. Жандармский урядник аккуратно вписал показания Арсеньева в протокол. Тело убитого было предано земле.

Через три года Арсеньеву не удалось найти этого места. Девственная земля, шорохи которой умел слушать и понимать один лишь Дерсу, предстала перед ним вытоптанной и загроможденной прозаическими предметами каждодневного людского обихода. Не там ли, где встала сейчас приземистая изба-пятистенка, не за тем ли крепким колодезным срубом, не за свежерашенной ли конторской вывеской затерялась, сгнула безымянная могила Дерсу Узала?..

Так случилось, что романтическая книга нашего детства, книга о путешествиях, о тайге и о тайне, была когда-то прочитана и, более того, запечатлена в памяти человека, имя которого известно всему культурному миру, — это Акира Куросава, быть может, один из самых великих из ныне живущих художников кинематографа.

Счастливая случайность? Произведение русской литературы и классик японского кино. Случайность ли? Почему он мечтает экранизировать повествование о безвестном таежном охотнике? Почему он, Куросава, самый упрямый (по мнению всех продюсеров мира) режиссер, не раз отказавшийся делать фильмы то в одной, то в другой стране, решительно отвергнувший идею многих и многих суперколоссов, приезжает к нам, в Страну Советов?

Случайность? Нет. Он приехал в страну, чья великая литература стала основой самых выдающихся его созданий. Приехал, чтобы сделать не супербоевик, но самую сдержанную и строгую картину (какие он делал всю свою жизнь) о человечности, о справедливо-

сти, о солидарности людей (о чем он говорил тоже всю свою жизнь). О том, что люди должны быть едины в своем стремлении спасти доброту и естественность окружающего их мира.

Теперь «Дерсу Узала» — на экране. И первыми ее самыми доброжелательными зрителями стали москвичи и гости IX Международного кинофестиваля. Роль Арсеньева в фильме играет Юрий Соломин, имя которого широко известно у нас. Заглавную же роль — актер из Тувы, имя которого до сих пор мало кто знал. Это Максим Мунзук.

Дерсу Узала как добрый дух, возникший из лесной чащобы, приставший к географической экспедиции с тем, чтобы, отбыв положенный срок, вновь исчезнуть, раствориться в тайге, вернуться в ее лоно, слиться с ее коконом. Он похож на несмышленого ребенка, когда, рассердившись на тигра, обращается к зверю с гневными увещаниями. Он похож на мудреца, которому дано заклинать грозные силы, правящие миром тайги.

Дерсу Узала, попытавшийся было «пристроиться» к жизни в городе, но глухо и неистово затосковавший в четырех стенах городского дома. Покидая город, Дерсу получил от друга винтовку самонавейшего образца. Она-то и стала главной причиной его гибели. Вдобавок к тому ему подарили вещь, едва ли не самую бессмысленную в тайге: опечатанную на веленовой бумаге визитную карточку капитана. Единственная польза от нее в том только и состояла, что она помогла опознанию мертвого тела. Ни городская жизнь, ни городские диловинки не шли Дерсу Узала впрок.

Дикая природа тайги великолепно снята в фильме (операторы Асакадзу Накаи, Юрий Гантман, Федор Добронравов). Снежный вихрь, бешено закруживший прошлогодногo траву, все сметающий, неподвижный, зловещий. Багровый круг солнца, неподвижно стоящий в знойном небе. Мертвые сушь таежного сухостоя, страшный лес деревьев-скелетов. А после — все та же тайга, но в перламутровых пере-  
ливах света, открытая до со-

кровенных глубин, не таящая ни опасностей, ни тайн. Дерсу — кровно свой в этом мире. Великодушно опекая малых и слабых, хитростью одолевая угрозы сильнейших, он сам — его малая неотделимая часть.

По отношению к своему необычному герою картина выглядит спокойной, как будто беспристрастной. Герой рассматривается с добросовестной, почти «научной» объективностью, словно бы и без желания вызвать взрыв драматических эмоций в зрительном зале. Только один раз повествовательность уступает место лиризму: последует длинная сюита фотографий Дерсу. Эти моментальные любительские снимки ловят и запечатлевают обездуривающую доброту, бескрайнюю наивность Дерсу Узала. Его способность быть преданным другу, его умение оценить добро и заплатить за него сторицей. Его благородство, его простодушие, его безграничную душевную незащищенность. Но, кажется нам, все это обнаружили словно не авторы фильма. Все это подметил старомодный фотоаппарат на неуклюжей деревянной треноге...

Ну, а постановщик фильма Акира Куросава? Оплакивает ли он Дерсу? Завидует ли его простоте, его первозданности? Видит ли в этой ныне утраченной благословенной душевной цельности панацею от многих бед, от разорванности мировосприятия современного человека? Кажется, услышь режиссер все эти вопросы, лицо его осталось бы все таким же сдержанным и строгим, как строг и сдержан, даже внешне бесстрастен его фильм. Но есть ли это бесстрашие? Или за ним стоит та благородная сдержанность, та изысканная «закрытость» чувств, которые предписаны автору древним этикетом его предков? Во имя уважения к собеседнику, во имя уважения к самому себе этот древний этикет велит скрывать, сдерживать свои страсти, свое смятение, свою боль перед гостем, перед слушателем. И перед зрителем.

Вот таков, как и всегда, Акира Куросава. Таков и его «Дерсу Узала».

Т. ИВАНОВА.

«Сов. кинематограф», 1975, 25 июля